

2008: ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Старуха сидит на берегу на привязанной к заду подушке и сортирует водоросли, которые приливом вынесло на сушу. Она привыкла работать в воде, но даже на земле не перестает бдительно следить за всем, что происходит вокруг. Она живет на Чеджудо — острове, известном своими тремя изобилиями: ветра, камней и женщин. Самое переменчивое из трех этих изобилий — ветер, и сегодня с моря дует просто легкий бриз. На небе ни облачка. Солнце сквозь чепчик и куртку греет старухе голову, шею и спину. Это успокаивает. Ее дом стоит на скалистом берегу прямо у моря. В нем вроде и нет ничего особенного — просто два небольших строения из местного камня, но вот место... Дети и внуки предлагали ей переделать жилые строения в ресторан и бар: «Бабуля, ты разбогатеешь. Тебе больше никогда не придется работать». Одна ее соседка последовала совету молодежи. Теперь ее дом превратился в мини-отель и итальянский ресторан. Прямо тут, на берегу.

В родной деревне. Нет уж, со своим домом Ён Сук так не поступит. «Во всей Корее не найдется столько денег, чтобы заставить меня уехать», — не раз говорила она. Разве можно уехать? Ее дом — это гнездо, в котором она хранит радость, смех, горе и сожаления, накопившиеся за долгую жизнь.

На берегу Ён Сук работает не одна. Другие женщины ее возраста — лет восьмидесяти — девяноста — тоже копаются в лежащих на песке водорослях, выбирают из них годные к продаже и складывают в пакеты. Наверху, по прогулочной тропе, которая отделяет бухту от дороги, гуляют рука об руку молодые пары — наверное, на медовый месяц сюда приехали. Они идут склонив головы друг к другу, иногда даже целуются средь бела дня у всех на глазах. Ён Сук видит семью туристов, явно с материка. Отца с детьми трудно не заметить: у них одинаковые футболки в горошек и желто-зеленые шорты. У его жены такая же футболка в горошек, но при этом вся ее кожа защищена от солнца: на ней брюки, налокотники, перчатки, шляпа и тканевая маска. Деревенские дети ловко карабкаются по скалистому выступу, который тянется через весь песчаный берег и уходит в море, и вот они уже играют на мелководье, хихикают и подначивают друг друга первым добраться до самой дальней скалы, достать со дна кусок обточенного морем стекла, а то и поймать морского ежа, если повезет его найти. Она еле

заметно усмехается. У нынешних детей совсем другая жизнь...

Замечает старуха и тех, кто разглядывает ее в упор, часто даже не пытаясь скрыть любопытство, а потом переводит взгляд на остальных женщин на берегу. Приезжие пытаются решить, какая из старух выглядит самой приветливой, самой доступной для разговора. Им не приходит в голову, что Ён Сук и ее подруги тоже их оценивают, гадают, кто они такие: ученые, журналисты, авторы документальных передач? Заплатят ли они за беседу? Знают ли хоть что-нибудь о ныряльщицах *хэнё*? Наверняка ее захотят сфотографировать. Будут совать в лицо микрофон и задавать одни и те же предсказуемые вопросы: «Вы считаете себя морской бабушкой? Или воспринимаете себя скорее как русалку?», «Правительство называет *хэнё* объектом культурного наследия, уходящим явлением, которое нужно сохранить хотя бы как память. Каково это — быть среди последних *хэнё*?». Если они ученые, то захотят поговорить о матрифокальной семейной структуре Чеджудо, объяснив: «Это не матриархат, а скорее культура, ориентированная на женщин». Потом начнут уточнять: «А вы и правда были главной в семье? Вы выдавали мужу деньги на расходы?» Часто подходят молодые женщины и задают вопрос, который Ён Сук слышит всю жизнь: «Кем лучше быть, мужчиной или женщиной?» Всем этим людям она отвечает одно и то же: «Я была лучшей

среди *хэнё!*» Этого, с ее точки зрения, вполне достаточно. Если человек настаивает, Ён Сук сурово отвечает: «Хотите узнать обо мне побольше — сходите в музей *хэнё*. Там есть мое фото. И даже можно посмотреть видео про меня!» А если они все равно не уходят... Ну, тогда она так прямо и говорит: «Отстаньте! Мне нужно работать!»

Реакция Ён Сук зависит от того, как она себя чувствует. Сегодня ярко светит солнце, вода блестит, и даже на берегу Ён Сук всем телом ощущает невесомость моря, прилив, который массирует ее ноющие мышцы, прохладные волны, остужающие воспаленные суставы, так что она разрешает себя сфотографировать и даже отодвигает поля чепчика ради молодого человека, который хочет «лучше разглядеть лицо». Ён Сук наблюдает, как молодой человек осторожно подбирается к неизбежному неловкому вопросу и наконец решается:

— А ваша семья пострадала во время Инцидента третьего апреля?

Ох, еще как пострадала. Еще как.

— На Чеджудо все пострадали, — отвечает Ён Сук, но больше об этом говорить не собирается. Никогда. Лучше она расскажет этому молодому человеку о том, что сейчас самое счастливое время в ее жизни. И это правда. Она все еще работает, но у нее хватает времени навещать друзей и путешествовать. И теперь можно смотреть на правнучек и думать: «Эта хорошенькая, а эта самая

умная» или «А этой лучше бы найти хорошего мужа». Внуки и правнуки — это большая радость. Почему в молодости ей такое не приходило в голову? Но тогда она не представляла, как сложится ее жизнь. Сегодняшний день ей даже во сне не приснился бы.

Молодой человек уходит. Он пытается заговорить с другой пожилой нырятьщицей, Кан Ку Чжа, которая работает метрах в десяти от Ён Сук. Ку Чжа всегда отличалась раздражительным характером, и сейчас она даже головы не подняла. Потом молодой человек идет к Ку Сун, младшей сестре Ку Чжа, и та кричит на него: «Иди отсюда!» Ён Сук одобрительно усмехается.

Наконец ее маленький пакет набит водорослями. Она с трудом поднимается и бредет к большим мешкам, которые потихоньку наполняет. Высыпав содержимое пакета в один из таких мешков, Ён Сук направляется на участок берега, где пока никто не разбирает водоросли. Она снова садится, поправив подушку, и берется за дело. Руки у нее по-прежнему ловкие, пусть даже они огрубели от многолетней работы и покрылись морщинами от постоянного воздействия солнца. Ён Сук слышит шум моря, кожу ее ласкает теплый воздух. Она ощущает, как тысячи богинь родного острова защищают ее. Даже Ку Сун, которая все еще ругает последними словами того молодого человека, не в силах испортить ей настроение.

Вдруг Ён Сук замечает краем глаза еще одну семью туристов. Эти одеты все по-разному и выглядят тоже по-разному. Муж белый, жена корейка, а дети — маленький мальчик и девочка-подросток — смешанных кровей. При виде этих детей-полукровок Ён Сук невольно испытывает дискомфорт. На мальчике длинные шорты, футболка с каким-то супергероем и огромные кроссовки; шортики девочки едва прикрывают то, что должны прикрывать, в ушах у нее наушники, а провода от них тянутся поперек еле заметной груди. Американцы, решает Ён Сук и настороженно следит за их приближением.

— Вы Ким Ён Сук? — спрашивает женщина. Она бледная и хорошенькая. Ён Сук еле заметно кивает, и женщина продолжает: — Меня зовут Чжи Ён, но все называют меня Джанет.

Ён Сук пробует произнести чужое имя:

— Джанет.

— А это мой муж Джим и наши дети, Клара и Скотт. Мы хотели узнать, не помните ли вы мою бабушку. — Джанет говорит... на каком же наречии она говорит? Это не чистый корейский, но и не диалект Чеджудо. — Ее звали Ми Чжа, а фамилия Хан...

— Я такой не знаю.

Женщина слегка хмурит лоб.

— Но вы же обе жили в этой деревне.

— Я-то по-прежнему здесь живу, но не знаю женщины, о которой вы говорите. — Ён Сук

отвечает резко и громко, даже громче, чем Ку Сун, и обе сестры Кан смотрят в ее сторону. Явно хотят узнать, все ли у нее в порядке.

Американку это не смущает.

— Давайте я покажу вам ее фотографию.

Она роется в сумке, достает плотный конверт, потом перебирает лежащие в нем снимки, пока не находит нужный. Она протягивает Ён Сук черно-белую фотографию девушки в старинном белом купальном костюме. Торчащие под тканью соски девушки напоминают глаза осьминога, выглядывающего из укромной расщелины. Волосы убраны под шарф, такой же белый, как костюм. Лицо у нее круглое, руки тонкие, хоть и с заметными мышцами, ноги крепкие, а улыбается она широко и смело.

— Извините, — говорит Ён Сук, — я ее не знаю.

— У меня еще фотографии есть, — не сдается Джанет.

Она снова лезет в конверт, перебирает другие снимки, а Ён Сук тем временем улыбается белому мужчине.

— Есть телефон? — спрашивает она у него по-английски — наверняка у нее получается куда хуже, чем у его жены по-корейски, — и жестом подносит к уху воображаемый телефон. Ён Сук часто пользуется этой уловкой, чтобы избавиться от тех, кто ей досаждают. Если ее расспрашивает молодая женщина, она иногда говорит: «Прежде

чем отвечать на ваши вопросы, мне надо поговорить с внуком». Если речь о мужчине, она спрашивает: «А вы женаты? Моя внучатая племянница очень хорошенькая и тоже учится в колледже. Я ее позову, чтобы вы познакомились». Удивительно, насколько часто люди попадают на обман. Вот и сейчас иностранец действительно начинает искать по карманам телефон. Он улыбается. Белоснежные, очень ровные зубы, как у акулы. Но первой достает телефон девочка. У нее один из этих новых айфонов, точно как те, которые Ён Сук в этом году дарила правнукам на дни рождения.

Не снимая наушников, Клара говорит:

— Диктуйте номер.

От ее голоса Ён Сук еще сильнее нервничает. Девочка говорит на диалекте Чеджудо — небезупречно, но сносно, а от ее интонаций у Ён Сук мурашки по коже.

Она называет номер, и Клара его набирает. Потом девочка отсоединяет телефон от наушников и протягивает его Ён Сук, которая охвачена странной нерешительностью. Клара импульсивно — наверняка все дело в импульсивности, как же иначе — наклоняется поближе и подносит телефон к уху Ён Сук. Ее прикосновение обжигает Ён Сук, словно лава. Маленький крестик на золотой цепочке выскальзывает из-под футболки девочки и покачивается у Ён Сук перед глазами. Тут

она замечает, что мать Клары, Джанет, тоже носит крестик.

Четверо иностранцев выжидающе смотрят на Ён Сук. Они думают, она им поможет. Ён Сук быстро-быстро говорит в телефонную трубку. Джанет снова хмурит лоб, пытаюсь разобраться, о чем речь, но Ён Сук говорит на чистом диалекте, а он отличается от стандартного корейского не меньше, чем французский от японского, — во всяком случае, так ей говорили. Разговор закончен, Клара убирает телефон в задний карман и с явным смущением наблюдает, как мать вытаскивает все новые фотографии.

— Вот мой отец в молодости, — говорит Джанет и сует нечеткий снимок под нос Ён Сук. — Помните его? А вот еще одна фотография бабушки, она сделана в день ее свадьбы. Мне говорили, что девушка рядом с ней — это вы. Пожалуйста, поговорите с нами хоть пару минут!

Но Ён Сук опять занялась сортировкой водорослей. Иногда она вежливо бросает взгляд на фотографии, но по лицу старухи никак не понять, что у нее на душе.

Через несколько минут по пляжу уже катит мотоцикл, к которому пристегнута тележка. Когда он доезжает до Ён Сук, она с трудом поднимается. Иностранец поддерживает ее под локоть. Ее давно не трогал никто настолько белый, и она инстинктивно отдергивается.